

Введенский А. И. О современных задачах воспитанников духовных академий в области философии: [Вступительная лекция] //
Богословский вестник 1895. Т. 4. № 10. С. 75–91 (3-я пагин.).

О современных задачах воспитанников духовных академий в области философии *).

Мм. Гг.!

Привѣтъ мой вамъ со вступленіемъ въ Академію. Это важный шагъ въ вашей жизни, — серьезная, трудовая, но вмѣстѣ съ тѣмъ или, лучше сказать, именно поэтому самому и счастливая пора. Время студенчества, не смотря на его мелкія невзгоды и ограниченія, счастливѣйшее время жизни, — время раскрытія и расцвѣта силъ, когда мы особенно энергично чувствуемъ свѣжесть своего существа; когда испытываемъ чувство высокаго удовлетворенія ото всего новаго и значительнаго, что встрѣчается на пути нашей растущей умственной силы и расцвѣтающаго чувства; когда у насъ особенно пробуждаются умственные запросы и интересъ ко всестороннему знанію и образованію достигаетъ высшаго напряженія. Вотъ почему такъ часто человѣкъ, надломленный жизнью, съ оскудѣвшимъ идеализмомъ, съ разбитыми надеждами, возвращается мыслью къ студенческой жизни, какъ къ своему „золотому“ времени.

Что особенно придаетъ студенческой жизни ея своеобразную прелесть, значительность и достоинство, такъ это — тотъ идеализмъ, тотъ запросъ къ знанію, та широта общихъ интересовъ, которая въ большей или меньшей степени характеризуетъ (или должна характеризовать) каждого студента и которая всѣхъ ихъ сплочаетъ въ одно живое единство, одушевленное общимъ стремленіемъ къ работѣ надъ наукою. Безъ этой совмѣстной, дружной, товарищеской ра-

*) Вступительная лекція, сказанная студентамъ 1-го курса Академіи 6-го Сентября, предъ началомъ 189⁵/₆ уч. года.

боты въ виду высокихъ идеальныхъ и въ частности научныхъ цѣлей, безъ этого, такъ сказать идеальнаго сотрудничества, всѣ радости студенческой жизни были-бы пусты, безсодержательны и ничтожны. Если, при воспоминаніи о студенческихъ годахъ, часто просвѣтляется даже лицо почтеннымъ и серьезныхъ старцевъ, то ужъ конечно не воспоминаніе о студенческихъ утѣхахъ и удовольствіяхъ оживляетъ ихъ, но—именно воспоминаніе о томъ серьезномъ и единодушномъ стремленіи къ работѣ надъ наукою, къ самообразованію, которымъ особенно одушевлены наиболѣе серьезные студенты, но которое отъ нихъ такъ или иначе отражается и на всѣхъ остальныхъ. Тотъ не узнаетъ студенческой жизни и не вкуситъ ея прелестей, кто не станетъ вмѣстѣ съ другими трудиться надъ выработкою своихъ взглядовъ и своихъ убѣжденій, какъ научныхъ такъ и жизненныхъ.

Такимъ образомъ, уже самое студенчество, самое званіе студента налагаетъ на васъ обязанность трудиться. Я не стану останавливаться надъ разъясненіемъ этого положенія ¹⁾, потому что *предполагаю* въ васъ готовность къ труду, которая, безъ сомнѣнія, и привела васъ въ стѣны Академіи. Выскажу лишь одно соображеніе, которое имѣетъ отношеніе къ студенчеству нашему, академическому, и вообще къ воспитанникамъ духовныхъ школъ. Именно я хочу напомнить вамъ фактъ, который и вы, вѣроятно, замѣчали и отмѣчали,—совершившуюся у насъ, на Руси, въ послѣднее время перемѣну взглядовъ и отношеній къ религіи, ея служителямъ и представителямъ богословской науки и мысли. Въ самомъ дѣлѣ, на разстояніи какихъ-нибудь одного-двухъ десятилѣтій у насъ совершилась удивительная перемѣна въ этомъ отношеніи! Прежде богослововъ чуждались, какъ „враговъ прогресса и свободы“, — по любимой тогдашней формулѣ; теперь-же къ нимъ относятся со вниманіемъ и прислушиваются, какъ къ людямъ, которые, благодаря охранительному вліянію на нихъ началъ православнаго Христіанства, едвали не одни только сумѣли сохранить непри-

¹⁾ Рекомендую вамъ обратиться для этой цѣли къ книгѣ *Пэйо*. „Воспитаніе воли“ (перев. съ фр., 1895, Спб.; книга умная, полезная и во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вашего вниманія, такъ какъ написана спеціально для студентовъ).

косновеннымъ, среди всеобщаго шатанія умовъ, правильный взглядъ на міръ и на жизнь. *Caveant consules!* Не хорошо будетъ, если вы сами или тѣ, которые чрезъ нѣсколько лѣтъ будутъ ввѣрены вашимъ заботамъ, не съумѣете удовлетворить той духовной жадѣ, которою теперь томится уже не одинъ простой народъ, но и большинство русской такъ называемой „интеллигенціи“.

Итакъ трудъ, и трудъ: вотъ отнынѣ, со дня поступленія вашего въ Академію, вашъ девизъ,—трудъ разумный, одушевленный честными и искренними стремленіями и отвѣчающій верховному назначенію Академіи и цѣлямъ академическаго образованія. Здѣсь, въ стѣнахъ Академіи и Лавры, въ часы сосредоточенной студенческой думы, не разъ зарождались высокія идеи, которыя потомъ переходили въ дѣйствительность; принимались важныя рѣшенія, которыми опредѣлялось направленіе жизни не только тѣхъ, кто принималъ эти рѣшенія, но и тѣхъ, кому эти люди затѣмъ призваны были служить: здѣсь и изъ васъ каждый долженъ найти и угадать задачу своей жизни,—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ намѣтить ея цѣль, выяснить свои душевныя симпатіи и стремленія. Пусть никто не думаетъ и не ожидаетъ, будто „со-временемъ“, какъ бы само собою, помимо вашихъ усилій и воли, предъ вами раскроется нѣчто такое, для чего здѣсь не заложено никакого основанія,—выпадаетъ на долю дѣло, которое вы назовете своимъ, „дѣломъ жизни“, но которое здѣсь не предносилось душѣ даже и въ формѣ смутнаго чаянія. Правда, это иногда бываетъ; но бываетъ очень рѣдко,—это судьба особыхъ избранниковъ Божіихъ. Вотъ почему, не ожидая этихъ чрезвычайныхъ и исключительныхъ указаній, вы сами и самостоятельно должны поставить предъ собою цѣль своей дѣятельности и сосредоточить на ней всѣ свои стремленія. И сдѣлать это, намѣтить по крайней мѣрѣ общее направленіе своей будущей дѣятельности, вы теперь можете. Если въ предшествующіе годы вами было приложено достаточно труда для усвоенія необходимыхъ знаній и навыковъ, то, при достигаемой здѣсь высотѣ развитія, у васъ постепенно установится положительный взглядъ на окружающее и вырабатывается способность къ постановкѣ дальнѣйшихъ цѣлей. И если-бы даже при этомъ въ вашихъ взглядахъ на будущее и въ

планахъ объ устройствѣ своей дальнѣйшей жизни оказалась нѣкоторая неустойчивость и неопредѣленность, — что, конечно, естественно, — то и этимъ не слѣдуетъ смущаться. Во всякомъ случаѣ перспективы, которыя при этомъ открываются, будутъ имѣть нѣкоторое значеніе: по меньшей мѣрѣ въ нихъ выразится жизненная полнота открывающихся размышленію о будущемъ возможностей, а это, въ свою очередь, можетъ содѣйствовать расширенію кругозора и всему настроенію способно сообщить бодрость и одушевленіе. Вѣдь извѣстно, что даже и мечты юности не остаются безъ вліянія на дальнѣйшую жизнь человѣка: онѣ хранятся въ воспоминаніи, какъ свѣтлое и радостное утро жизни, какъ ея веселая и многообѣщающая заря, и часто незамѣтно охраняютъ насъ въ послѣдующее время отъ многихъ золъ и паденій. Вотъ почему даже и мечты этого періода вашей жизни, — конечно, мечты и возвышенныя и благородныя, какія и свойственны благородной юности, — ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ гоненія; напротивъ, ихъ слѣдуетъ питать и лелѣять, по меньшей мѣрѣ, какъ поэтическій противовѣсъ одностороннему погруженію въ прозу труда и разсудочности.

Я сказалъ, что, со дня вашего вступленія въ Академію, вашимъ девизомъ долженъ быть трудъ; но, добавилъ, — „трудъ разумный“. Это добавленіе особенно необходимо, когда рѣчь идетъ о трудѣ умственномъ, особенно въ наше время и въ частности въ вашемъ, студенческомъ положеніи. Человѣку, посвящающему свои силы умственному труду, при слишкомъ большомъ усердіи и при недостаткѣ опытности, осторожности и умѣнья въ распредѣленіи труда, грозитъ очень большая опасность, — опасность отвыкнуть отъ самодѣятельности и чрезъ это утратить самостоятельность мышленія. Постоянное чтеніе и изученіе книгъ, не оставляющее времени и силъ для собственныхъ размышленій, можетъ принести иногда болѣе вреда, чѣмъ пользы. „Какъ обширная, но не приведенная въ порядокъ бібліотека, — говоритъ Шопенгауеръ, — не можетъ принести столько пользы, какъ хотя-бы и весьма умѣренное, но вполне устроенное книгохранилище; такъ точно и огромнѣйшая масса познаній, если они не переработаны собственнымъ мышленіемъ, имѣетъ гораздо менѣе цѣнности, чѣмъ значительно мень-

шее количество свѣдѣній, но глубоко и многосторонне продуманныхъ... Конечно, продумать можно только то, что знаешь: поэтому-то и нужно чему-нибудь учиться; но, съ другой стороны, *знаешь только то, что продумалъ*“¹⁾. Вотъ почему отнюдь недостаточно одного чтенія и изученія книгъ. „Постоянное чтеніе,—по выразительному сравненію того-же философа,—отнимаетъ у ума всякую упругость, какъ постоянно давящій вѣсъ отнимаетъ ее у пружины и самое вѣрное средство не имѣть собственныхъ мыслей это во всякую свободную минуту тотчасъ хвататься за книгу“²⁾. Но что можетъ быть печальнѣе отсутствія у человѣка и при томъ человѣка начитаннаго и, въ извѣстномъ смыслѣ, ученаго—собственныхъ мыслей? Никакими свѣдѣніями ихъ замѣнить нельзя: по мѣткому выраженію одного англійскаго писателя, „унція собственнаго ума стоить больше, чѣмъ двѣ тысячи фунтовъ чужаго“³⁾. Между тѣмъ, именно наше время представляетъ въ данномъ отношеніи особенно большую опасность. Справедливо указываютъ, что умственная жизнь современнаго человѣка страдаетъ *избыткомъ питанія (гипертрофіею)* вслѣдствіе чего, по общему біологическому закону, такъ сказать атрофируются высшія отправленія ума. Современная мысль обладаетъ громаднымъ фактическимъ матеріаломъ; но этотъ матеріаль остается какъ-бы неперевареннымъ. Отсюда—путаница понятій, неспособность современной мысли совладать съ самыми элементарными вопросами и общее приниженіе умственного уровня. Эта опасность угрожаетъ и вамъ, студентамъ. Въ средней школѣ вы давали постоянный отчетъ въ своихъ занятіяхъ; здѣсь-же Вамъ представляется сравнительно бо́льшая свобода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выборъ книгъ для чтенія и изученія здѣсь гораздо богаче. Опытъ показываетъ, что особенно молодые студенты широко пользуются этою свободою и съ жаромъ набрасываются на книги... Повторяю, въ этомъ лежитъ источникъ не малыхъ опасностей для вашей самостоятельной мысли.

Нигдѣ вредъ этой умственной „гипертрофіи“ не проявляется такъ наглядно, какъ въ области современной мысли.

¹⁾ Шопенгауеръ: Афоризмы и максимы (русск. перев., 1887, Спб., стр. 450).

²⁾ Ibid, 452.

³⁾ Ibid., 440.

Одинъ изъ выдающихся современныхъ научныхъ дѣятелей, вполне компетентный судья ¹⁾ въ вопросахъ даннаго рода, замѣчаетъ, что, тогда какъ современное естествознаніе дѣлаетъ прочныя завоеванія, — въ наукахъ гуманитарныхъ, и въ особенности въ философіи, „пониманіе пошло не впередъ, а назадъ, такъ что уровень умственного развитія не повышается, а понижается“. Противъ этого положенія, выставленнаго въ столь категоричной формѣ, можно, конечно, спорить. Но нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что въ сознаніи современнаго мыслящаго, образованнаго общества распространено много шаткихъ, непродуманныхъ и критически непровѣренныхъ взглядовъ, которые тѣмъ не менѣе выдаются за непреложныя, quasi — научныя истины. И вотъ эти-то шаткіе взгляды и необходимо имѣть въ виду вамъ, равно-какъ и всѣмъ вообще питомцамъ духовныхъ академій. Ихъ призваніе — служить по преимуществу образованному русскому обществу своимъ словомъ и своими учено-литературными трудами. Но какъ можно успѣшно выполнять эту высокую миссію, если неизвѣстны тѣ умственные предразсудки, которыми болѣетъ современное общество? Конечно, всѣхъ этихъ предразсудковъ и ложныхъ ходячихъ идей перечислить нѣтъ возможности: они будутъ открываться вамъ постепенно, когда, выступивъ на поприще самостоятельнаго служенія, вы будете ближе и ближе ознакомляться съ обществомъ. Но я, какъ преподаватель философіи, считаю необходимымъ теперь-же указать вамъ на нѣкоторые изъ современныхъ философскихъ предразсудковъ, съ которыми необходимо считаться и которые необходимо имѣть въ виду, приступая къ изученію философіи.

Состояніе умовъ той или другой эпохи, какъ извѣстно, всего легче и правильнѣе можно понять исторически, т. е. выяснивъ тѣ элементы, которые вошли въ современную умственную жизнь изъ прошлаго. Вотъ почему и я считаю необходимымъ, для выясненія современныхъ движеній въ области философской мысли, сдѣлать маленькую историческую справку.

¹⁾ Б. Н. Чичеринъ: Положительная философія и единство науки, М. 1892, стр. 330—2.

Шестидесятые годы, какъ вы знаете, были у насъ временемъ анализа и отрицанія. Тогда любили повторять, что тѣ высокія идеи, которыми искони жило человѣчество, — идеи Бога, души, свободы, истины, красоты т. д., — будто бы „устарѣли“ и „отжили свое время“. Жизнь, однако, скоро показала, что устарѣли отнюдь не эти идеи, а то сознаніе, которое не могло ихъ вмѣстить: это сознаніе, которое гордо объявило себя „новымъ“, призваннымъ будто бы обновить человѣчество, состарѣлось, не успѣвъ возмужать, и умерло отъ преждевременной старости. — отъ болѣзненного старческаго истощенія. Въ самомъ дѣлѣ, „новое поколѣніе“ достигло старости въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ т. е. въ теченіе періода, который далеко не достигалъ предѣловъ человѣческаго возраста: какая жалкая иронія судьбы!

На смѣну этому поколѣнію умовъ, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, выступило опять „новое поколѣніе“, — съ новыми идеями, которыя, повидимому, все болѣе и болѣе овладѣваютъ умами нашей эпохи. Наше время опять называется себя временемъ „обновленія“, возрожденія и т. д. и называетъ столь-же притязательно, какъ и шестидесятые годы: вѣчная исторія! Будущее покажетъ, насколько право или, — точнѣе, — неправо наше время, когда усвоитъ себѣ столь исключительно эти притязательные эпитеты. Но уже и заранѣе, не ожидая суда будущаго историка и даже не справляясь съ фактами, можно утверждать, что наше время не совсѣмъ порвало съ шестидесятыми годами. Вѣдь это вообще невозможно. Вѣдь смежные историческіе періоды въ сущности никогда не стоятъ другъ къ другу въ отношеніи радикальной противоположности: между ними всегда есть нѣчто общее. Такъ и философскія вѣянія нашихъ дней, не смотря на ихъ кажущуюся радикальную противоположность идеямъ шестидесятихъ годовъ, въ сущности имѣютъ съ ними не одну черту сходства. Осудивъ отрицательныя и разрушительныя стремленія шестидесятихъ годовъ и возвратившись къ исконнымъ общечеловѣческимъ вѣрованіямъ, наше поколѣніе не могло, однако, разомъ освободиться отъ тѣхъ навыковъ мысли, въ которыхъ оно воспиталось подъ вліяніемъ поколѣнія шестидесятихъ годовъ. И вотъ въ результатѣ получается какая-то смѣсь, какой-то комплотъ

разнородныхъ идей, въ которомъ идеи возвышенныя уживаются рядомъ и идутъ рука объ руку съ либеральными идеями „эпохи шатанія“.

Въ самомъ дѣлѣ, прислушиваясь къ современнымъ толкамъ о философіи, отголоскомъ которыхъ служить такъ называемая текущая пресса, нельзя не поражаться нѣкоторою дисгармоніею и разногласицей сужденій: мы замѣчаемъ въ современномъ мыслящемъ сознаніи, такъ сказать, неоднородность состава, — несогласованность, противорѣчивость и борьбу господствующихъ философскихъ идей.

Такъ, прежде всего, при общезамѣчаемомъ возвратѣ къ религіи, при сознаніи ея необходимости, въ обществѣ замѣчается, однако, какое-то равнодушіе и даже пренебреженіе къ догмату, не говоря уже объ обрядѣ и установившемся укладѣ православно-религіозной жизни. Въ этомъ, въ такомъ отношеніи къ догмату и строю церковной жизни, конечно, скрыто предположеніе (которое иногда выражается и открыто), что и въ нравственной и религіозной жизни разумъ есть вполне надежный и совершенно достаточный руководитель: это, очевидно, остатокъ *раціонализма* шестидесятыхъ годовъ.

Но тотъ самый разумъ, который, такимъ образомъ, столь незаконно возвышается въ религіи, — тотъ-же самый разумъ, съ другой стороны, недостойно унижается предъ лицомъ такъ называемой „науки“: здѣсь замѣчается весьма скромное сознаніе границъ этого разума, который, — говорятъ, — „безсиленъ подняться надъ сферою явленій и ихъ феноменальной связи“. Отсюда тотъ своеобразный *позитивизмъ мысли*, который любитъ высказываться обо всемъ лишь на половину, ничего рѣшительно не осуждаетъ, но и ничего не утверждаетъ, хочетъ быть „толерантнымъ“ ко всевозможнымъ мнѣніямъ, любитъ устанавливать степени и оттѣнки истины и такимъ образомъ, въ своихъ крайнихъ обнаруженіяхъ, незамѣтно переходитъ въ *полускептицизмъ*.

Наконецъ, вслѣдствіе этого полускептицизма, отказа отъ установки единой и общеобязательной истины, развивается равнодушіе и даже пренебреженіе къ общимъ требованіямъ логики, съ ея строгими приѣмами и правилами, и пристрастіе къ тонкой и прихотливой діалектикѣ, — этой *софистикѣ* нашего времени, которую обыкновенно называютъ

критицизмомъ, но которую правильнѣе слѣдовало-бы назвать **критиканствомъ**...

Итакъ, **раціонализмъ**, **позитивизмъ**, **скептицизмъ**, **критицизмъ** или **критиканство**: вотъ печальные навыки, вынесенные современною мыслью изъ школы шестидеятыхъ годовъ. Одна только область, одна идея сохранила свою безусловную власть на этой шаткой почвѣ и возвышается надъ всѣми потрясенными идеями, — это идея нравственная. Здѣсь мы вступаемъ въ сферу Кантовой философіи, — Кантовскаго субъективизма: ничего положительнаго, устойчиваго, твердаго, кромѣ нравственнаго закона! Все остальное — тѣнь! Этотъ-то Кантовскій **ультраидеализмъ**, если позволительно такъ выразиться, при которомъ легко сохранить возвышенный образъ мыслей и въ тоже время сложить съ себя всѣ серьезныя задачи и обязанности мысли и жизни, и есть господствующая черта умственной жизни нашихъ дней. Отказываются отъ достовѣрнаго познанія, отъ всякой дѣйствительности, чтобы тѣмъ вѣрнѣе возвысить нравственную идею; но при этомъ забываютъ, что, если нѣтъ ни твердаго знанія, ни дѣйствительности, то нѣтъ положительныхъ обязанностей, нѣтъ серьезнаго дѣла, серьезныхъ задачъ жизни и знанія. Не ясно-ли, что весь этотъ модный современный идеализмъ въ сущности есть лишь праздная игра въ возвышенныя идеи?!

Итакъ, **ложный идеализмъ** — вотъ что характеризуетъ философствующее сознаніе нашего времени въ нашемъ отечествѣ. Ясно, къ чему, въ виду этого, сводится наша основная задача въ области философіи: **идеализму ложному мы должны противопоставить идеализмъ истинный**, который-бы, не отрицая эмпирической дѣйствительности, однакоже возвышался надъ нею въ своемъ ученіи о дѣйствительности высшей, идеальной, съ которою мы должны соотносить свою земную жизнь, — словомъ, тотъ идеализмъ, который освященъ Христіанствомъ и въ немъ заложенъ. Казалось-бы, что это послѣднее напоминаніе съ моей стороны совершенно излишне. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ-же другомъ направленіи и духѣ и можно разрабатывать философію питомцамъ духовныхъ школъ, какъ не въ направленіи къ христіанскому идеализму? Однако, дѣйствительность не совсѣмъ соотвѣтствуетъ этому ожиданію. За вычетомъ,

правда, блестящихъ, но сравнительно немногихъ исключеній, можно сказать, что мы, питомцы духовныхъ школъ, если и не совсѣмъ игнорировали эту задачу, то были не всегда къ ней одинаково внимательны. Подъ косвеннымъ вліяніемъ господствовавшего въ шестидесятыхъ - семидесятыхъ годахъ сдержаннаго и равнодушнаго, чтобы не сказать больше, отношенія ко всему положительно-христіанскому, и въ нашихъ духовныхъ школахъ этого періода иногда предпочитали держаться вдали отъ богословскихъ вопросовъ и разрабатывали въ области философіи преимущественно такіе вопросы, которые для богослова имѣютъ лишь косвенное и отдаленное значеніе. Правда, такое направленіе мысли имѣло и свою хорошую сторону: изъ подъ пера мыслителей, получившихъ образованіе въ духовныхъ школахъ, выходили труды по *общимъ* философскимъ вопросамъ, которые, вслѣдствіе своей бѣльшей близости, въ сравненіи съ специально богословскими трудами, къ интересамъ свѣтскаго общества и такъ называемой „университетской философіи“, были замѣчены многими, нашли доступъ въ свѣтское общество и не мало содѣйствовали укрѣпленію въ немъ взгляда на питомцевъ духовныхъ школъ, какъ на знатоковъ философіи и сильныхъ мыслителей, обладающихъ развитымъ и хорошо дисциплинированнымъ мышленіемъ. Да и независимо отъ этого, нельзя въ области философіи сосредоточиваться исключительно на однихъ вопросахъ, имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ богословію, такъ какъ всѣ области философіи и всѣ философскіе вопросы стоятъ между собою въ тѣсной связи. Нѣтъ, я отнюдь не могу признать такую исключительную специализацію философіи желательною: я хочу только сказать, что намъ, питомцамъ духовныхъ школъ нельзя и не слѣдуетъ увлекаться разработкой обще-философскихъ вопросовъ до забвенія тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ составу наукъ, изучаемыхъ въ академіи. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, во всякой развитой литературѣ,—у французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, не говоря уже о классическомъ, патристическомъ періодѣ христіанскаго просвѣщенія,—существуетъ особое направленіе философской литературы, разрабатываемой съ богословской точки зрѣнія, въ виду религіозныхъ потребностей. Здѣсь

всѣ основныя вопросы философіи, — вопросы о познаніи, сущности міра, матеріи, жизни, духѣ и т. д., — рѣшаются именно подъ этимъ угломъ зрѣнія и носятъ не только общехристіанскую, но и свою конфессіональную окраску. Философская мысль, ставящая себѣ задачу служить выраженію и развитію христіанскихъ идей, проводитъ ихъ послѣдовательно и выдерживаетъ религіозную точку зрѣнія во всѣхъ частностяхъ, вслѣдствіе чего создается особый типъ философіи, — философіи христіанской. У насъ, за двумя-тремя исключеніями, которыя, конечно, далеко, не исчерпываютъ всего состава философскаго знанія, всѣхъ философскихъ вопросовъ, ничего подобнаго нѣтъ. Попробуйте въ нашей философской литературѣ справиться, на прим., о томъ, какое рѣшеніе, положимъ, гносеологической проблемы наиболѣе соотвѣтствуетъ духу православнаго христіанства, какія теоріи матеріи, жизни и т. д., съ этой точки зрѣнія, наиболѣе состоятельны, — и вы окажетесь въ большомъ затрудненіи найти желанный отвѣтъ. А между тѣмъ это — вопросы не апологетики только, но и чисто объективно-философскіе вопросы. Представители такъ называемой свѣтской (университетской) философіи вправѣ, конечно, поставить намъ въ вину, что мы не выработали и не стремимся выработать отвѣта на эти вопросы съ своей православно-христіанской точки зрѣнія. Итакъ, предоставимъ свѣтскимъ мыслителямъ разрабатывать свѣтскіе вопросы философіи и сосредоточимъ свое преимущественное вниманіе на тѣхъ вопросахъ, которые соприкасаются всего ближе съ областью религіознаго (богословскаго) знанія. Этого требуютъ отъ насъ не только общія задачи и характеръ нашей школы, но такъ-же и простой практическій принципъ раздѣленія труда. Воплотить православно-христіанскую идею въ философскую форму и, такимъ образомъ, создать особый, ясно выраженный, послѣдовательно проведенный и законченный, типъ философіи, — это такая высокая и цѣнная, съ чисто научной точки зрѣнія, задача, что всякая попытка содѣйствовать ея разрѣшенію, безъ сомнѣнія, будетъ признана въ своемъ серьезномъ значеніи, какъ одна изъ формъ служенія истинному просвѣщенію и наукѣ. Даже малое участіе въ рѣшеніи этой великой задачи есть такое серьезное и важное дѣло, на которое никакъ нельзя жалѣть труда и силъ.

Однако, и въ данномъ отношеніи нужна осторожность. Чѣмъ выше задача, тѣмъ отвѣтственнѣе служеніе ей, тѣмъ большаго вниманія оно требуетъ и тѣмъ замѣтнѣе здѣсь всякія увлеченія и крайности и вотъ почему именно въ служеніи религіи такъ часто замѣчалась и осуждалась „ревность не по разуму“, — вотъ почему именно здѣсь всего ближе къ человѣку то страшное обольщеніе мысли, когда, по слову Спасителя, даже убивающій служителей и провозвѣстниковъ истины, думаетъ, будто онъ тѣмъ служитъ Богу (Іоан. 16, 2). Историческая справка говоритъ, что эпохи такихъ обольщеній, къ несчастію для человѣчества, нерѣдки въ его исторіи. Въ области мысли и въ частности въ области мысли философской это обольщеніе проявилось всего яснѣе въ томъ вторженіи въ область мысли во имя внѣшняго авторитета, въ томъ стремленіи подавить всякія проявленія живой мысли, которымъ запятнало себя католичество. Исторія его увлеченій въ этомъ направленіи очень печальна и поучительна. Какъ извѣстно, на этомъ шаткомъ и скользкомъ пути внѣшнихъ ограниченій мысли оно создало много условныхъ формулъ, отъ которыхъ потомъ само-же должно было отказаться. А между тѣмъ съ какою властною настойчивостью, съ какимъ непререкаемымъ авторитетомъ, съ какимъ безусловнымъ осужденіемъ иномыслящихъ онѣ высказывались! Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, католическая схоластика осталась не безъ вліянія и на нашу русскую богословско-философскую мысль и много вредила у насъ успѣхамъ духовнаго служенія обществу. Это одна изъ причинъ и едва ли не главная, почему такъ называемое свѣтское общество еще и доселѣ не выработало у насъ вкуса и расположенія къ духовной литературѣ, почему оно сравнительно рѣдко и неохотно читаетъ произведенія нашихъ богослововъ: всякія условныя внѣшнія формулы пугаютъ и отталкиваютъ живую мысль, — особенно, если онѣ высказываются притязательно, съ посягательствомъ на судъ и осужденіе чужой совѣсти и чужой души, со враждою не только къ заблужденію, но и къ заблуждающимся... Это очень печально и достойно сожалѣнія и не потому только, что отъ этого, отъ такого направленія духовной литературы проистекали и проистекаютъ печальные плоды, но еще и главнымъ образомъ потому, что это не отвѣчаетъ существу и духу православнаго

Христіанства. Оно прежде всего есть духъ и сила. Умы, преданные ему, оно способно просвѣтитъ и внутренне преобразовать по своему духу, и тогда они будутъ въ состояніи полно и ясно выразумѣть доступную человѣку истину,—собрать и сложить въ единый, связный организмъ истины остатки тѣхъ положительныхъ началъ, которыми держится, живетъ и создается міръ, не-смотря на внесенное въ него грѣхомъ разстройство, а съ другой стороны и положительные силы и ростки нашего духа для просвѣщеннаго христіанствомъ умственного взора проявятся въ богоподобный образъ Божій. Выяснить эти положительные начала человѣческой и общеміровой жизни и истолковать ихъ, какъ естественныя откровенія въ мірѣ Божественныхъ свойствъ,—вотъ высокая задача философіи, преобразованной по духу православнаго Христіанства. Вводя въ постиженіе истины *внутреннимъ* путемъ,—путемъ преобразованія и просвѣтленія ума,—православное Христіанство, очевидно, не можетъ налагать на него *внѣшнихъ* ограниченій и формулъ и вотъ почему, по духу православія, какъ выразился одинъ изъ глубоко-мысленнѣйшихъ православныхъ философовъ, покойный профессоръ нашей академіи, В. Д. Кудрявцевъ,—„вліяніе религіи на ходъ философскаго мышленія должно быть вліяніемъ совѣтующаго друга и руководителя, но не простирается до деспотическаго давленія и стѣсненія этого мышленія“. Будемъ помнить этотъ завѣтъ! Пусть ваше слово на разъясненіе и въ защиту православной истины будетъ твердо и опредѣленно, безъ всякихъ уступокъ духу времени и его предразсудкамъ; но пусть въ тоже время оно будетъ свободно отъ всякихъ притязательныхъ требованій,— пусть будетъ проникнуто любовью къ истинѣ, чуткимъ вниманіемъ къ источникамъ заблужденій и готовностію помочь заблуждающимся словомъ убѣжденія. Иначе мы впадемъ именно въ то самое обольщеніе мысли, когда люди, разрушая дѣло Божіе, думаютъ, будто совершаютъ службу Богу. Нѣтъ и нѣтъ! Да не будетъ этого! Христіанство не требуетъ служителей, поднимающихъ для его защиты мечъ и философія не признаетъ своими мыслителей, опирающихся на внѣшніе авторитеты и условныя формулы...

Я намѣтилъ въ общихъ чертахъ, въ какомъ направленіи, въ виду современныхъ движеній мысли, желательна ваша

самодѣятельная работа въ области философіи. Теперь спрашивается: чѣмъ въ данномъ отношеніи можетъ помочь вамъ Академія? Отвѣчу кратко: она должна и можетъ помочь вамъ въ достиженіи указанныхъ задачъ не только самымъ содержаніемъ лекцій, но и формою, характеромъ академическаго преподаванія, самымъ духомъ его методовъ и приемовъ. Особенно это имѣетъ значеніе относительно философіи. Въ поясненіе этого нѣсколько словъ.

Задача высшаго образованія нѣсколько иная, чѣмъ задача среднихъ учебныхъ заведеній, и роль вашихъ новыхъ руководителей въ наукѣ не совсѣмъ та-же, что роль вашихъ прежнихъ наставниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если уже при начальномъ и среднемъ образованіи, здравая педагогика заставляетъ принимать во вниманіе индивидуальность воспитанниковъ и съ нею сообразовывать выборъ приемовъ и методовъ, а отчасти даже и самыхъ вопросовъ и предметовъ; то тѣмъ болѣе, конечно, это необходимо относительно того возраста, когда индивидуальность человѣка уже опредѣлилась довольно ясно, когда онъ входитъ въ сознательное обладаніе ею, подмѣтилъ свои особенности и склонности, когда опредѣлились и раскрылись его умственные интересы. Вотъ почему, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ студентамъ предоставляется относительная свобода выбора предметовъ изученія,—особенно спеціальнаго. Подобнымъ-же образомъ и въ области каждаго предмета вамъ предоставляется относительная свобода: отъ васъ не требуютъ ежедневныхъ отчетовъ; вы можете самостоятельно избирать себѣ вопросъ для письменныхъ работъ изъ многихъ предлагаемыхъ вашему вниманію... Словомъ, вамъ оказываютъ довѣріе и предоставляютъ относительную свободу, конечно,—въ томъ предположеніи, что вы, какъ люди достигшіе извѣстной зрѣлости и пониманія задачъ своего образованія, не будете злоупотреблять ею. Сообразно съ этимъ, измѣняются задачи и приемы и вашихъ новыхъ преподавателей и въ частности преподавателей философіи. Ихъ главная задача теперь уже не въ томъ, чтобы заставить васъ усвоить извѣстные философскіе взгляды и ученія, но въ томъ, чтобы пробуждать въ васъ самодѣятельность и интересъ къ философіи, приучать къ самостоятельной работѣ мысли и вдумчивости,—словомъ, чтобы пробудить и воспитать философскія наклон-

ности, заложенные въ душѣ каждаго, но обыкновенно какъ-бы дремлющія. Такимъ образомъ, по самому существу дѣла, роль преподавателя теперь уже отступаетъ на второй планъ и является лишь вспомогательною: онъ долженъ ввести въ науку, указать, въ чемъ собственно въ ней центръ тяжести и, если при этомъ путемъ пробужденія въ васъ интереса къ тому или другому вопросу, путемъ пробужденія критики и даже искренняго сомнѣнія, ему удастся воспитать въ васъ любовь и вкусъ къ философіи и желаніе работать въ ея области и при томъ работать въ извѣстномъ направленіи, — его задача исполнена: остальное будетъ уже зависѣть отъ васъ самихъ, отъ вашей самодѣтельности. Дѣло, здѣсь, слѣдовательно, уже не столько въ усвоеніи положительныхъ знаній, сколько въ проникновеніи общимъ духомъ и направленіемъ лекцій, въ усвоеніи приѣмовъ постановки и разработки вопросовъ, — словомъ въ тѣхъ таинственныхъ впечатлѣніяхъ, въ тѣхъ сѣменахъ мысли, которыя, запавъ здѣсь въ душу, могутъ затѣмъ, подъ вліяніемъ самодѣтельной работы мысли, задачъ и опытовъ жизни, развиться въ связанное и стойкое цѣлое, въ одно философское міровоззрѣніе. Такимъ образомъ, каждый изъ васъ долженъ теперь сдѣлаться какъ-бы своимъ собственнымъ учителемъ и воспитателемъ. Дѣло преподавателя дать вамъ лишь матеріалъ для обработки, рѣзецъ и молотъ; но уже отъ самихъ васъ будетъ зависѣть, изъ кого выработается или, — точнѣе, — въ комъ скажется Фидій.

Такая перестановка въ Академіи задачъ преподаванія философіи вытекаетъ изъ самаго существа дѣла. Забота здѣсь направлена не столько къ тому, чтобы давать широкое и всестороннее знаніе частныхъ, сколько къ тому, чтобы вызывать на глубокія и серьезныя размышленія, развивать умъ и душу. И это очень важно: въ этомъ, между прочимъ и заключается великое образовательное значеніе академическаго преподаванія философіи. Въ самомъ дѣлѣ, лишь въ такомъ случаѣ преподаваніе философіи будетъ содѣйствовать достиженію тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ высшее образованіе. Только въ такомъ случаѣ оно можетъ произвести тотъ благодѣтельный переворотъ въ формахъ умственной дѣятельности, на который рассчитываютъ, когда дѣлаютъ философію необходимымъ составнымъ элементомъ

законченнаго и полнаго, „высшаго“ образованія. При такой постановкѣ, философія приучаетъ быть болѣе требовательными къ доказательствамъ и въ тоже время стремиться къ отысканію истины во всѣхъ приобрѣтеніяхъ человѣческаго ума; направляетъ и уравниваетъ потребность въ утвержденіи, съ одной стороны, и критическое отношеніе къ явленіямъ, съ другой, — потребность охраненія существующаго и въ тоже время стремленіе къ его осторожному и отвѣчающему необходимости улучшенію; заставляетъ отыскивать во всемъ существенное, общее и основное и такимъ образомъ помогаетъ достигать мѣры и гармоніи въ сознаніи и поступкахъ; воспитываетъ способность извлекать изъ всѣхъ спеціальныхъ знаній, изъ обыденныхъ размышленій и событій жизни тотъ умственный элементъ, который всему даетъ смыслъ; словомъ, — только при такой постановкѣ, *философія становится однимъ изъ средствъ подготовленія къ самостоятельной и разумной жизни и дѣятельности.*

Конечно, выставляя на первый планъ формальную сторону въ изученіи философіи, разсматривая ее прежде всего, какъ могучее образовательное средство, я вовсе не хочу сказать, будто сторона матеріальная, самое содержаніе курса можетъ быть оставляемо безъ вниманія. Если-бы кто изъ васъ спросилъ: не достаточно-ли ограничиться усвоеніемъ лишь общаго духа и направленія курса, не усвоивъ рѣшенія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ вопросовъ, то я отвѣчу самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицательно. Необходимо знать курсъ, хотя бы лишь въ общихъ моментахъ, уже просто для того, чтобы онъ служилъ точкой отправленія для самостоятельной работы вашей мысли. Конечно, этой послѣдней цѣли могло бы служить и самостоятельное, систематическое чтеніе и изученіе сочиненій какого нибудь философа. Но, во-первыхъ, одно другаго не исключаетъ: можно и къ курсу быть внимательнымъ и найти время для домашняго чтенія философа (и, — замѣчу мимоходомъ, — было-бы очень полезно, если-бы каждый изъ васъ въ предстоящемъ учебномъ году прочиталъ хотя бы одного философа *цѣликомъ*, кто можетъ въ подлинникъ, или-же и въ переводѣ; слѣдуетъ только выбирать величину крупную, наприм., Платона, Аристотеля, Канта: иначе чтеніе не оставитъ глубокаго слѣда). Во-вторыхъ, тѣ философскіе

курсы, которые будутъ вамъ здѣсь предложены, составлены со вниманіемъ къ спеціальнымъ задачамъ академическаго преподаванія, а это обстоятельство для васъ далеко не безразлично.

Быть можетъ, кто нибудь теперь спроситъ: какъ достигнуть этого,—какъ усвоить курсъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я позволю себѣ напомнить вамъ одинъ анекдотъ изъ области исторіи философіи. Къ Антисфену, главѣ цинической школы, одинъ изъ его слушателей однажды обратился съ вопросомъ: какъ ему поступать, чтобы извлекать изъ уроковъ возможно большую пользу? Для этого,—отвѣчалъ философъ,—тебѣ недостаетъ трехъ вещей: *βιβλαρίον καίνοῦ*, *γραφεῖον καίνοῦ*, *πῖνακος καίνοῦ*. Отвѣтъ, какъ видите, довольно двусмысленный: если прочитать послѣднее слово слитно; получается одинъ смыслъ (нужна новая тетрадка, новый грифель и новая грифельная доска); если-же прочитать его раздѣльно, тогда смыслъ будетъ совсѣмъ иной (нужна тетрадь, грифель, грифельная доска и—умъ). Какъ понялъ философа его ученикъ,—осталось неизвѣстнымъ. Но, повидимому, самъ философъ хотѣлъ, чтобы его поняли въ послѣднемъ смыслѣ, потому-что, когда однажды другой изъ его слушателей, жаловался ему, что потерялъ свои тетради, философъ отвѣчалъ: „тебѣ слѣдовало-бы записывать уроки не въ тетради, а въ умѣ“. Смыслъ этого анекдота понятенъ: конечно, нужна записъ, но записъ, какъ говорятъ, *sum grano salis*. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, записывать лекціи дословно; тогда въ записяхъ по необходимости окажутся пробѣлы, которые трудно будетъ потомъ заполнить, а вслѣдствіе этого курсъ раздробится на куски, въ которыхъ легко можетъ потеряться смыслъ цѣлаго. Съ другой стороны, нѣтъ надобности и стремиться къ такой дословной записи. Достаточно уловить и записать лишь общую схему лекціи,—конспестировать ее, какъ говорятъ, чтобы, такимъ образомъ были сохранены для памяти хотя-бы лишь общія положенія, но ясно и опредѣленно.

Вотъ все, что я предположилъ сказать вамъ для перваго ознакомленія съ Вами. Въ заключеніе мнѣ остается лишь пожелать, чтобы, когда будете посѣщать мои послѣдующія чтенія, у васъ не замѣчалось недостатка въ *βιβλαρίον*, *γραφεῖον καὶ νοῦ*.

А. Введенскій.